

Глава 1

Наконец, братия (мои), что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала, о том помышляйте.

*Новый Завет,
Послание к филиппийцам, 4–8*

Англия, 1099 год

Они хотели убить его.

Человек стоял посреди опустевшего двора. Его руки, заломленные за спину, были привязаны к столбу. Лицо было бесстрастным, он смотрел прямо перед собой, будто не видя своих врагов.

Пленник не сопротивлялся схватившим его. Он молча позволил раздеть себя до пояса. С него сняли роскошный, подбитый мехом зимний плащ, тяжелую кольчугу, хлопковую рубашку, чулки и кожаные сапоги и все это кучей свалили перед ним. Сомневаться в намерениях врагов не приходилось. Этому воину предстоит умереть, но на его покрытом шрамами теле не останется ран. Зрители станут с удовольствием наблюдать, как пленник постепенно замерзает, глядя на собственную одежду.

Двенадцать человек окружили его, приплясывая обутыми в меховые сапоги ногами, чтобы согреться. Вытащив для пущего устрашения кинжалы, они гоготали, улюлюкали и выкрикивали оскорбления в адрес пленника. Но ни один из них не решился приблизиться к нему, опасаясь, что воин как-то освободится, и тогда им придется

несладко. Предполагать такое было трудно, однако все были наслышаны о его геркулесовой силе, некоторые даже раз-другой видели его в битве. И если он вдруг вырвется из пут, придется пустить в ход кинжалы, однако можно не сомневаться, что троих-четверых из врагов он сумеет отправить к праотцам.

Главарю дюжины бандитов никак не верилось, что фортуна так улыбнулась ему: они пленили Волка и скоро станут свидетелями его смерти.

И как только Дункан, всесильный барон Векстон, мог совершить такую оплошность — въехать в одиночку во вражескую крепость, даже не имея при себе никакого оружия?! Похоже, он имел глупость поверить в то, что Луддон — столь же знатный барон — будет свято чтить их временное перемирие.

«Поди и вправду Векстон возомнил себя непобедимым, каким слышет, — подумал главарь. — Что ж, к добру это не привело».

Продолжая пристально разглядывать пленника, главарь невольно почувствовал какую-то смутную тревогу. Да, они раздели Дункана, сорвали с его плаща бело-голубой крест — герб Векстонов, словом, сделали все, чтобы лишить барона символов знатного происхождения, его достоинства и чести. Этого пожелал барон Луддон. Однако, по-видимому, полубогаженный воин, что так гордо стоял перед ними, вовсе не собирался считаться с желаниями Луддона. И по его виду нельзя было сказать, что он вот-вот умрет. Пленник не молил сохранить ему жизнь, не уговаривал прикончить его, чтобы избежать мучений. Его кожа не побледнела, не покрылась мурашками. Покрытая ровным загаром, она, казалось, пышет теплом. Черт возьми, он даже не дрожал! Да, перед ними стоял именно тот сильный и бесстрашный человек, о котором так много говорили. И впрямь настоящий Волк.

Постепенно насмешки стихли, во дворе замка стали слышны лишь завывания ветра. Главарь перевел взгляд на своих людей, топтавшихся неподалеку. Глаза у всех

были опущены, и главарь понял, что они просто опасаются смотреть на пленника. Впрочем, он сам избегал взгляда Дункана.

Барон Дункан из Векстона был по крайней мере на голову выше своих стражников. И фигура его была под стать росту — широкие плечи, узкие бедра, длинные сильные ноги, которые он сейчас слегка расставил... Глядя на него, можно было не сомневаться в том, что Векстон в состоянии один прикончить их всех, если ему представится такая возможность.

На землю опускалась тьма, пошел легкий снег. Воины начали роптать.

— Нам ни к чему ждать на холоде его смерти, — пробормотал один из них.

— Да он еще несколько часов проживет, — добавил другой. — Барон Луддон давным-давно уехал и не узнает, где мы будем находиться — в замке или во дворе.

Остальные согласно закивали, и главарь засомневался. К тому же холод донимал и его. Решимость покинуть двор возросла при мысли, что барон Векстон все же человек, и пройдет совсем немного времени, когда он станет молить о пощаде. Но пока этого не произошло, и высокомерие Векстона бесило главаря, он злился все больше и больше. Его ноги в теплых сапогах уже начинали неметь от холода, а барон, стоявший босиком на промерзшей земле, ни разу даже не шевельнулся, не сдвинулся с места. Может, во всех этих рассказах про него и была доля правды?

Главарь выругался и дал своим людям знак направиться в замок. Когда последний из них скрылся за дверью, вассал Луддона еще раз проверил надежность веревок, а затем встал прямо против пленника.

— Про тебя говорят, что ты хитер, как волк, но ты всего лишь человек и скоро умрешь. Луддон не хочет, чтобы на твоём теле оставались свежие раны. Завтра утром мы закопаем твой труп где-нибудь далеко отсюда, и никто не сумеет доказать, что Луддон имеет к этому отно-

шение! — зло выкрикнул главарь, приходя в еще бóльшую ярость оттого, что пленник даже не взглянул на него. Помолчав, он добавил: — Будь моя воля, я бы просто вырезал у тебя сердце и покончил с этим делом. — Он набрал полный рот слюны, чтобы плюнуть пленнику в лицо, надеясь, что такое оскорбление все-таки примет его.

И тут Дункан опустил взгляд. Его глаза встретились с глазами врага. Тот вздрогнул и громко сглотнул, а затем испуганно отвернулся, осеняя себя крестом и бурча себе под нос, что он всего лишь выполняет приказ своего лорда. Потом бегом тоже бросился в замок...

Скрываясь в тени у стены замка, за всем происходящим наблюдала Мадлен. Она помедлила еще несколько минут, желая убедиться, что воины ее брата уже не вернутся во двор. Все это время Мадлен молила Бога, чтобы он дал ей смелость осуществить свой план.

Мадлен рисковала всем, но сердцем понимала, что другого выбора у нее нет. Лишь одна она может спасти Дункана, хотя прекрасно знала, что, если ее поймают, ей несдобровать.

Мадлен вся дрожала, но шла быстро. Чем быстрее она покончит с этим, тем скорее обретет душевный покой. У нее хватит времени обдумать свой безрассудный поступок, когда пленник будет на свободе.

Длинный черный плащ окутывал ее с ног до головы, и Дункан заметил девушку лишь тогда, когда она оказалась прямо перед ним. Яростный порыв ветра сорвал с ее головы капюшон, и копна каштановых волос рассыпалась по хрупким плечам. Откинув с лица волосы, Мадлен взглянула на пленника.

На мгновение тому показалось, что его разум помутился. Дункан яростно замотал головой, но когда его ушей достиг мелодичный голос девушки, он понял, что прекрасное видение — не игра его воображения.

— Погодите минутку, я вас сейчас развяжу, — прошептала незнакомка. — Только, ради бога, молчите, пока мы не скроемся отсюда.

Барон не верил своим ушам. Голос его спасительницы звучал нежно, как арфа, и манил к себе, как погожий летний денек. Дункан чуть было не рассмеялся над столь неожиданным поворотом событий. Ему захотелось громко крикнуть, чтобы покончить с обманом, но любопытство пересилило, и Векстон решил выждать какое-то время, чтобы его предполагаемая спасительница раскрыла свои истинные намерения.

Сохраняя прежнюю невозмутимость, он молча наблюдал за тем, как девушка достает из складок плаща маленький кинжал. Она стояла совсем близко от несвязанных ног Векстона, так что, вздумай она вонзить ему в сердце кинжал, он сумеет разделаться с ней.

Но леди Мадлен совсем забыла об опасности. Думая лишь о том, как освободить пленника, она подошла еще ближе и принялась перерезать кинжалом толстую веревку.

Дункан заметил ее дрожащие то ли от пронизывающего ветра, то ли от страха руки.

До него донесся слабый запах розы. Вдохнув аромат полной грудью, он решил, что стужа и впрямь сыграла злую шутку с его рассудком. Розы в разгар зимы, ангел во вражеской крепости... все это было полным абсурдом, и все же девушка стояла перед ним, благоухая весенними цветами и напоминая собой небесное видение.

Векстон еще раз мотнул головой. Он начал догадываться, кто эта девушка. Ему описывали ее, но описание это не совсем совпадало с реальностью. Барону говорили, что сестра Луддона среднего роста, у нее каштановые волосы и голубые глаза. Да, именно такой она и была, но не просто милой и хорошенькой. Она была прекрасной!

Наконец веревка была перерезана, и руки Дункана освободились от пут. Он не двинулся с места, ничем не выразил своей благодарности, своего отношения к происходящему. Девушка опять приблизилась к барону, одарила робкой улыбкой и опустила на колени, чтобы собрать его вещи.

От страха ее движения стали неловкими. Поднимаясь, она споткнулась, затем тихо проговорила:

— Пожалуйста, следуйте за мной.

Векстон не шевельнулся.

Мадлен нахмурилась и, держа в одной руке одежду Дункана и тяжелые сапоги, другой обхватила его за талию.

— Обопритесь на меня, — прошептала она. — Я помогу вам, обещаю. Но, ради всего святого, поторопитесь! — Она не сводила глаз с дверей замка, в голосе ее звучал страх. Видя отчаяние своей спасительницы, Векстон хотел было сказать ей, что им не нужно прятаться, так как именно в эти минуты его воины уже начали перебираться через крепостные стены, но промолчал. Чем меньше она знает, тем выгоднее ему.

Едва доставая Дункану до плеча, Мадлен по-прежнему была готова стоически поддерживать барона и положила его тяжелую руку на свои хрупкие плечи.

— Мы пойдем в помещение за часовней — там обычно останавливается священник, когда приезжает в замок, — едва слышно прошептала она. — Это единственное место, куда никто не подумает заглянуть.

Похоже, Дункан не обратил никакого внимания на ее слова. Воины Луддона были не умнее своего хозяина. Из-за непогоды все стражники ушли от ворот, оставив крепостные стены незащищенными. Враги заплатят за свою слабость смертью.

Дункан всем своим весом оперся на девушку, стараясь сдерживать ее шаг, и принялся сжимать и разжимать пальцы онемевших рук. Ноги его почти потеряли чувствительность. Векстон знал, что это дурной знак, но пока тут трудно было чем-то помочь.

Услышав тихий свист, он поднял вверх руку, давая своим воинам знак подождать. Затем барон взглянул на сестру Луддона, желая убедиться, что она ничего не заметила. Но

Мадлен думала лишь о том, чтобы не упасть, не подзревая, что враги уже проникли в ее дом.

Наконец они подошли к узкой двери. Видя, что пленник совсем ослаб, Мадлен прислонила его к стене, с трудом пытаясь отодвинуть засов.

Но вот дверь отворилась. Взяв Дункана за руку, девушка увлекла его за собой в темноту. Ледяной сквозняк гулял по длинному сырому коридору, пока они брели ко второй двери. Девушка быстро распахнула ее, втолкнув Векстона в помещение.

Они оказались в комнате без окон, освещенной мягким светом свечей. Воздух был спертым; пыль серым ковром покрывала деревянный пол, с низкого потолка свисала густая паутина, на вбитых в стену крючьях висели яркие одеяния священников, посреди комнаты лежал набитый соломой тюфяк, а рядом с ним — два толстых одеяла.

Закрыв дверь на засов, Мадлен облегченно вздохнула. На некоторое время они были в безопасности. Девушка указала Векстону на тюфяк, предлагая ему сесть.

— Когда я увидела, что они с вами делают, то тут же приготовила эту комнату, — объяснила она, протягивая Дункану одежду. — Меня зовут Мадлен, и я... — Девушка хотела было объяснить Дункану, кем она приходится Луддону, но потом передумала. — Я останусь с вами до рассвета, а потом покажу вам потайной ход. Даже Луддон не знает о его существовании.

Барон уселся на тюфяк и вытянул перед собой ноги. Слушая Мадлен, он натягивал рубашку и думал, что ее смелый поступок лишь осложнил его положение: ему было трудно представить, что почувствует девушка, узнав, в чем заключается его план.

Когда кольчуга вновь засияла на широкой груди барона, Мадлен бережно укутала его плечи одеялом и села перед ним на пол, внимательно осматривая его ступни; ее лицо нахмурилось. Векстон потянулся к сапогам, но Мадлен остановила его.

— Сначала надо согреть ваши ноги, — объяснила она.

Вздыхнув, она принялась размышлять, как бы половчее сделать это. Мадлен взяла второе одеяло, чтобы завернуть в него ноги Векстона, но потом, покачав головой, передумала. Она бросила одеяло на ноги барону, сняла с себя плащ, развязала плетёный кожаный поясок и медленно приподняла свое платье до самых колен.

Дункан с любопытством глядел на нее, ожидая, что будет дальше, но Мадлен по-прежнему молчала. Потом, решительным движением схватив его ступни, сунула их себе под платье, тесно прижав к своему телу.

Когда заледеневшие ноги барона коснулись ее теплой кожи, девушка громко вскрикнула, однако не отпустила их, а накинула платье ему на колени и тоже прижала их к себе. Она дрожала, и Дункану казалось, что Мадлен вбирает в себя сковывающий его конечности холод.

Чувствительность быстро возвращалась к ним. Векстону казалось, будто тысячи острых клинков одновременно вонзаются в его ступни, которые нестерпимо жгло. Но когда, не выдержав, Дункан захотел освободить ноги, Мадлен не позволила ему это сделать, силой удержав его.

— Если вам больно, то это хороший признак, — чуть слышно прошептала она. — Боль скоро пройдет. Радуйтесь, что вообще не лишились ног. Добавлю, что вы попали в ловушку из-за собственного безрассудства и, надеюсь, извлекли для себя урок. Во второй раз мне вас не спасти! Я знаю, вы верили в то, что Луддон будет играть по правилам. Но... именно в этом заключалась ваша ошибка. Луддон понятия не имеет о совести и чести. Не забывайте об этом в будущем и, глядишь, еще годок-другой протянете.

Произнося эти слова, Мадлен думала о том, сколь высокую цену ей придется заплатить за свой поступок. Луддону не понадобится долго размышлять над тем, кто выпустил врага на свободу. Девушка быстро прочла про себя благодарственную молитву, радуясь тому, что брат уехал

10 из крепости и у нее будет время скрыться.

Но сначала, разумеется, надо позаботиться о бароне. Лишь только он покинет замок, она все как следует обдумает, а пока лучше не забивать себе голову мрачными мыслями.

— Что сделано, то сделано, — с отчаянием в голосе прошептала Мадлен.

Векстон никак не откликнулся на это замечание, а его спасительница предпочла ничего не объяснять. Между ними повисло тяжелое молчание. Промолви Дункан хоть слово, Мадлен чувствовала бы себя увереннее. Ее смущало, что его голые ноги касались ее плоти, и, стоило ему чуть разогнуть пальцы, они уперлись бы в полукружия ее груди. Подумав об этом, Мадлен залилась краской и решила еще раз осторожно взглянуть на Дункана, чтобы понять, как он относится к столь необычному методу лечения.

Тот, казалось, только и ждал этого и быстро перехватил ее взгляд. Он подумал, что глаза у девушки — как небо в ясный, солнечный день и что она ничуть не похожа на своего брата, но тут же напомнил себе, что по одной лишь внешности нельзя судить о человеке, хотя этот невинный взгляд так и манил его. Однако Мадлен — прежде всего сестра его врага, и ее внешность не так уж важна для него. Эта девушка стала теперь заложницей, приманкой для того, чтобы загнать дьявола в ловушку.

Между тем Мадлен подумала, что глаза Дункана такие же серые и холодные, как лезвие ее кинжала. Его лицо казалось высеченным из камня и совершенно бесстрастным. Плотные сжатые губы и упрямый подбородок придавали ему еще более суровое выражение. Мадлен заметила, что в уголках его глаз совсем не было морщинок — похоже, этот человек никогда не смеялся и даже не улыбался. Впрочем, наверное, ему и не пристало веселиться: во-первых, он был воином, во-вторых, знатным бароном — это не оставляло в его жизни места для веселья и смеха.

Внезапно Мадлен подумала, что даже не представляет, что творится сейчас в душе пленника ее

брата. Это беспокоило и страшило ее. Преодолевая смущение, девушка вновь попыталась завязать с ним разговор.

— Вы хотели встретиться только с Луддоном? — спросила она.

Когда ответа на вопрос не последовало, Мадлен раздраженно вздохнула. Похоже, этот воин не только глуп, но и упрям. Она спасла ему жизнь, а он не произнес ни слова благодарности. Что ж, видимо, его поведение соответствует его внешности и репутации.

Векстон пугал ее. Признавшись себе в этом, Мадлен рассердилась. Если его отношение к ней так волнует ее, значит, она не умнее его. Барон продолжал упорно молчать, а она тряслась, как нашаливший ребенок.

Пожалуй, все дело в том, что Векстон — такой гигант, настоящий великан, решила наконец Мадлен. В этой маленькой комнатухе он просто подавляет ее своими внушительными размерами.

— И не вздумайте снова явиться к Луддону! Уж тогда-то он непременно убьет вас.

Барон и на этот раз ничего не ответил, лишь медленно отодвинулся от девушки, задержав, впрочем, пальцы на ее бедрах и выразительно глянув в глаза.

Затем он принялся натягивать на согревшиеся ноги чулки и сапоги, а девушка все продолжала сидеть на тюфяке.

Обувшись, Дункан поднял с пола плетеный кожаный пояс Мадлен и протянул его ей. Та приветливо улыбнулась, решив, что барон наконец хочет выразить ей свою признательность и собирается сказать несколько благодарных слов. Она потянулась за поясом.

Движения Дункана были молниеносными. Схватив левую руку Мадлен, барон в один миг намотал поясок на ее запястье и в мгновение ока связал обе руки вместе.

Мадлен недоуменно посмотрела на них, затем перевела взгляд на барона. Холодок пополз по ее спине,

когда она увидела выражение его лица. Не веря своим глазам, она отчаянно замотала головой.

И тут барон Векстон наконец заговорил:

— Я пришел сюда не за Луддоном, Мадлен. Я пришел за тобой.

Глава 2

...Мне отмщение, Я воздам...

*Новый Завет,
Послание к римлянам, 12–19*

— Вы сошли с ума? — прошептала девушка изумленно.

Дункан ничего не ответил. Рывком подняв Мадлен на ноги, барон схватил ее за плечи — без его поддержки она немедленно рухнула бы на колени. Странно, но для такого великана у него были на редкость нежные руки, что еще больше смутило Мадлен.

Его поведение было необъяснимым. Ведь барон — пленник, а она — его спасительница, неужели он этого не понимает? Да она всем рисковала, освобождая его! Господи, она согревала его ноги таким непозволительным для девушки способом!

Векстон стоял, возвышаясь над ней. Он казался настоящим варваром с диким выражением лица, которое, признаться, сейчас вполне гармонировало с его огромным телом. Мадлен почти физически ощущала исходящую от него силу и, несмотря на отчаянные попытки держаться спокойно, вся дрожала и знала, что Дункан чувствует это.

Он потянулся за плащом Мадлен. Закутывая ее, он как бы невзначай провел рукой по нежной округлости ее груди. Это могло быть случайностью, но девушка все же инстинктивно отступила назад, плотнее запахивая плащ. Барон ухмыльнулся. Высвободив конец ее кожаного пояса, Векстон повернулся и повел сестру Луддона за собой.

Мадлен едва поспевала за ним.

— Но к чему вам попадаться на глаза людям Луддона? — вскричала она. — Это нелепость!

Дункан не отвечал, но девушка не отступала. Этот человек шел навстречу своей смерти, и она должна была остановить его!

— Барон, прошу вас, не делайте этого! Вы просто безумец! Они убьют вас!

Мадлен потянула пояс на себя, безуспешно пытаясь остановить Дункана.

Господи, ну как спасти его?!

Они дошли до тяжелой двери, ведущей во двор замка. Барон толкнул ее с такой силой, что, распахнувшись, она с грохотом ударилась о каменную стену. Когда Мадлен оказалась во дворе, ледяной ветер с силой пахнул ей в лицо, словно насмехаясь над ее мыслями насчет безумия Дункана. Нет, сумасшедшим он не был!

Доказательств тому было множество. По двору замка передвигалось не меньше сотни воинов; примерно столько же перебиралось через крепостные стены. Они двигались со стремительностью ветра и осторожностью воров, и все носили на одежде бело-голубые цвета барона Векстона.

Мадлен была настолько потрясена этим зрелищем, что на время забыла о своем похитителе и в оцепенении уставилась на воинов, заполнявших двор. Однако Дункан продолжал тянуть ее за собой, и, чтобы не упасть, девушке пришлось опереться о его кольцо.

Дункан не обращал на свою спутницу ни малейшего внимания, и она подумала, что кому-нибудь покажется, будто она трусит и прячется за спину Векстона. Она тут же смело выступила вперед, чтобы все до одного могли ее видеть. Ее макушка едва доходила барону до плеча, но Мадлен держалась очень прямо, стараясь не показать своего страха.

Но господи, как же она боялась! По правде говоря, ее не столько пугала смерть, сколько умирание. Быстро или медленно наступит ее конец? Или, может, она будет стойко держаться, но в последнюю минуту потеряет

над собой власть и на потеху всем струсит? Мысль эта так взволновала Мадлен, что она едва не вскрикнула. Пусть лучше ее прикончат сразу! Вот тогда и сбудется предсказание ее брата! Но разве вообще думать о смерти — не трусость?

Между тем барон Векстон понятия не имел о мыслях, занимавших его пленницу. Взглянув на Мадлен, Дункан лишь удивился спокойному, даже безмятежному выражению ее лица, но он был уверен, что скоро настроение девушки переменится. Мадлен станет свидетельницей его мести, и началом этого будет то, что он до основания разрушит ее родной дом. Вот тогда-то она начнет плакать и умолять его о пощаде.

В это время один из воинов торопливо подошел к барону. Мадлен сразу догадалась, что он, по-видимому, был родственником Дункана, во всяком случае, у него были такие же темно-русые волосы и крепкая мускулистая фигура, хотя ростом он, пожалуй, был чуть пониже; было заметно и сходство в чертах лица. Не обращая внимания на Мадлен, подошедший обратился к Векстону:

— Дункан! Ты наконец бросишь клич или мы простоим тут всю ночь?

Итак, барона зовут Дункан. Странно, но, услышав это обычное имя, Мадлен несколько приободрилась, подумав, что оно не подходит для дикого варвара.

— Так что же, брат? — спросил молодой человек.

Брат... Вот оно что... Это давало ему право так неуважительно обращаться к барону.

Тут воин, юное лицо которого еще не было отмечено боевыми шрамами, наконец-то обратил внимание на Мадлен. В его карих глазах читалось одно лишь презрение. Судя по его виду, он мог и ударить девушку. Больше того, юноша демонстративно отступил назад, словно перед ним стояла прокаженная.

— Луддона здесь нет, Джилард, — сказал Дункан брату так спокойно, что в сердце Мадлен вновь загорелась искорка надежды.